

в русских пословицах. Кодекс семейных отношений (муж – жена, родители – дети) в русских поговорках.

Слова-символы в русских пословицах (л. 2 ч., пр. 3. 2 ч., студ. докл. 4 ч.). Антропонимы, топонимы, анимализмы, соматизмы. Предметная символика, символика чисел. Влияние пословичной семантики на семантику слова.

Думается, такая композиция курса позволяет, с одной стороны, осмыслить место поговорок в кругу языковых знаков, с другой же познать их значимость как хранилища народной философии.

Изучение русского поговороклогического фонда учащимися школ и студентами-филологами представляется действенным средством развития их национальной самоидентификации и повышения интереса к изучению родного языка.

Библиографический список

1. Жуков, В. П. Словарь русских поговорок и пословиц / В. П. Жуков. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 535 с.

2. Савенкова, Л. Б. Мы в зеркале поговорок / Л. Б. Савенкова. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2006.

3. Савенкова, Л. Б. Пословица, поговорка и поговорка как термины филологии / Л. Б. Савенкова // Филологический вестник Ростовского государственного университета. – 1997. – № 1. – С. 36–43.

4. Савенкова, Л. Б. Русская поговороклогия: семантический и лингвокультурологический аспекты / Л. Б. Савенкова. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростов. ун-та, 2002. – 240 с.

А.Г. Золотых

ДИСКУРСИВНЫЕ ПРОСТРАНСТВА РУССКОЙ ИДИОМАТИКИ

Астраханский государственный университет

На неизученность источников фразеологии “с целью установления диахронического развития фразеологии” указывал еще А.И. Федоров [11, 1], имея в виду произведения художественной литературы, публицистики, письменные памятники, фольклор, диалектную речь. Однако современное исследование когнитивно-дискурсивных механизмов формирования ценностно-смыслового содержания русской идиоматики невозможно без обращения к дискурсивной деятельности человека, которая может осуществляться только посредством сложнейшего механизма взаимодействия языка и речи.

Семантическое содержание свободносинтаксического генотипа как первичного знакообозначения формулируется в процессе предметно-практической когниции, охватывающей любые формы постижения мира, которые начинаются с первых контактов человека с окружающей его средой. Обозначая мир, человек описывал его, в процессе чего “рождались новые концепты, эмерджентные свойства которых <...> предсуществовали их объективации в языке. Их появление — это результат аргументации языковой, следствие дискурсивной деятельности человека, о которой можно говорить как о деятельности речемыслительной, да еще и осуществляемой в совершенно определенных исторических, культурологических и особых прагматических условиях. В этих ситуациях новые концепты возникают в результате их номинального определения” [7, 16].

Коммуникативно-прагматические стереотипы в структуре соответствующего этнокультурного пространства объективируются в речемыслительных образованиях, которые являясь основными единицами дискурсивного сознания. Вслед за Т.М. Николаевой, под речевыми стереотипами мы понимаем “отрезок высказывания (или целое высказывание), включенное в контекст, представленный “свободными” компонентами высказывания (высказываниями)” [10, 114]. Характеризует такие единицы устойчивость, воспроизводимость и структурно-семантическая целостность. “Поскольку названные признаки составляют полный набор признаков понятия “идиоматичность”, то такую единицу вполне логично назвать дискурсивной идиомой” [2, 6]. Например: *рассказывать как на духу* ‘о чем-л. чистосердечном, откровенном признании, раскаянии, душевной исповеди’ (идиома связана с церковным ритуалом исповеди: *быть на духу* ‘быть на исповеди’ или *идти на дух* ‘идти на исповедь’); *легок на помине* ‘о том, кто появляется в тот момент, когда о нем говорят или думают’ (по языческому суевию запрещалось произносить имя зверя вслух: стоит произнести слово *волк* вслух, как волк тотчас же появится, поэтому в выражении этого слова нет, оно только подразумевается. Идиома образовалась посредством редукции поговорки *Легок волк на помине*. В выражении могли подозревать и черта, который имел способность “оборачиваться” в таких животных, как волк, медведь и др. Ср. пословицу *Упомяни черта, а он уже тут*).

Дискурсивное сознание определенного культурно-языкового общества представляет собой структурированный набор (совокупность) дискурсивных идиом как двустороннее единство их формы и содержания. По своей сути такие идиомы — образования когнитивно-дискурсивного происхождения, в которых объективировались реальные и воображаемые представления говорящего на нем народа, давно забытые мифы и ритуалы, верования и обычаи. “Передавая в сжатом

виде смысл дискурсивного пространства, отраженного в тексте легенды, басни, притчи, исторические события, идиомы сами являются “свернутыми текстами”, сгустком выраженной в них мысли, культурно-исторического опыта и житейской мудрости. Шутливость, каламбур, ирония, свойственные идиомам, свидетельствуют о том, что в их содержании отражены порой целые коммуникативно-прагматические ситуации [1, 15].

Так, русская идиоматика свидетельствует о древних ритуальных движениях, которые присутствуют в психике человека как общезначимые жесты, например, в подкрепление правдивости и обещания человек безотчетно кладет руку на сердце – ср. ФЕ *положа руку на сердце* ‘говорить совершенно чистосердечно, откровенно, искренне’. Ритуальный жест или телодвижение сохраняются во многих ФЕ, которые дискурсивно связаны с ритуалом рукопожатия (в старину *рукобитие*) в знак достигнутого согласия, договоренности в торговле или при сватовстве (у Даля: *рукобитие* – ‘битье по рукам отцов жениха и невесты, обычно покрыв руки полами кафтанов, в знак конечного согласия’). Ср. ФЕ *бить [ударить] по рукам* ‘о заключении сделки, соглашения’, а также отражение этого жеста в мотивированности слов, связанных со значением договора, обещания: *ручаться, порука, обручение*, белорусск. *заручица, заручины* ‘помолвка, стовор’ и т.п. Или ФЕ *смотреть прямо в глаза* ‘чувствовать себя свободным, независимым в выражении своих мыслей, взглядов и т.п.’, которая непосредственно связана с “прямым взглядом” в глаза собеседнику для подтверждения искренности слов или надежности обещания. Во многих ритуалах, объективированных ФЕ, вербальная часть явно вторична и необязательна, однако “дискурсивное пространство определенным образом регламентировано и находится во взаимодействии с системой языка: *язык перетекает в дискурс, дискурс – обратно в язык*” [3, 8].

Под дискурсивным пространством русской идиоматики нами понимается генетическая связь семантики ФЕ и дискурса как сложного коммуникативного явления, включающего, “кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата)” [6, 8]. Дискурсивное пространство русской идиоматики является естественным источником единиц косвенно-производной семантики, которые способны репрезентировать одновременно социальную, мировоззренческую, лингвистическую информацию, обусловленную семиологическими, ситуативными и социально-культурными факторами.

Выбор термина *дискурсивное пространство* русской идиоматики обусловлен метанаучными традициями, которые мы связываем с методом *дискурс-анализа*. Этот термин был введен Зеллигом Харрисом,

который обозначил так “метод анализа связанной речи”, предназначенный “для расширения дескриптивной лингвистики за пределы одного предложения в данный момент времени и для соотнесения культуры и языка” [12, 1-2].

Свое развитие дискурс-анализ как парадигма в изучении языкового общения получил в исследованиях русских формалистов (В. Пропп, М.М. Бахтин, В.Н. Волошинов, Р.Якобсон), в структурной антропологии Клода Леви-Строса (1958), а также в работах Ролана Барта (1974) и Цветана Тодорова (1977), ожививших связи антропологии с поэтикой и семиотикой; возрождение семиотики под влиянием Чарльза Морриса (1971) и Умберто Эко (1976) дало различным школам лингвистики, антропологии, литературоведения, теории коммуникации и социологии общие принципы и универсальный метаязык, что обусловило развитие междисциплинарных связей (Э.А. Орлова 1994; Б.С. Ерасов 1996; В.А. Маслова 1997; Н.Б. Мечковская 1996, 1998; П.С. Гуревич 1997 и др.). Культурно-социологическая теория Бронислава Малиновского (1923, 1972) выявила взаимосвязь языка и культуры, обусловленную социальной и биологической природой человека, что позволило ученому одному из первых соединить изучение антропологической и этнографической полевой работы (подробный обзор см.: 8, 91-95).

Семантическая наполняемость ФЕ часто выходит за рамки кодифицированного значения, зафиксированного в словаре. Так, если проанализировать значение фразеологической единицы *казанская сирота*, то можно прийти к выводу, что ироническая, пренебрежительная оценка людей, называемых *казанской сиротой*, не является характеристикой, основанной на индивидуальном отношении к объекту номинации. Такая объективация чувств содержится в семантической структуре фразеологического значения, ядро которого содержит коннотативные семы “плут”, “хитрец” и т.п., выражающие негативную оценку, — оказывается устойчивой и общепринятой. Фразеологическая единица *казанская сирота* напоминает о взятии войсками Ивана Грозного столицы Казанского ханства в октябре 1552 года. Татарские князья-мурзы стремились приспособиться к новой власти, переходили в христианство и слали царю челобитные, в которых именovali себя “сиротами”, жалуясь на свою якобы горькую участь. “Народ это самоуничтожительное наименование превратил во фразеологическую насмешку, которая получила сейчас расширительное значение. Так теперь говорят о людях, прикидывающихся несчастными, беспомощными, обиженными, чтобы разжалобить кого-либо, вызвать сострадание” [9, 47].

Фразеологические единицы как “языковые знаки дискурсивного происхождения представляют собой яркий этнокультурный феномен

в силу своей двойственной природы: сами знаки принадлежат языковому сознанию, а выражаемые ими представления – когнитивному” [2, 5].

Дискурсивное пространство русской идиоматики обусловлено ценностно-коммуникативной сущностью смыслового пространства культуры, которое “не только обнаруживается, но и формируется в дискурсе, понимаемом как совокупность устойчивых коммуникативных событий” [5, 121-122], поэтому становится возможным выделить следующие дискурсивные пространства русской идиоматики:

- дискурсивное пространство Библии;
- дискурсивное пространство мифологии;
- дискурсивное пространство русского фольклора;
- дискурсивное пространство ритуалов;
- дискурсивное пространство обрядов и обычаев;
- дискурсивное пространство древнерусского языка;
- дискурсивное пространство христианской религии;
- дискурсивное пространство литературы;
- дискурсивное пространство профессий;
- дискурсивное пространство речи известных деятелей;
- дискурсивное пространство исторических событий;
- дискурсивное пространство русских имен;
- дискурсивное пространство географических названий и другие.

Представляется целесообразным моделировать знания, объективированные ФЕ, в виде набора фасет, каждая из которых по-своему упорядочивает языковую картину мира. Понятие фасеты (франц. *facette* – букв. ‘грань’; ср. синтагматические связи производных его русского коррелята: *границ зеркала, грани бриллианта, граненый, ограниченный драгоценный камень, многогранный; филигранный* – ‘отличающийся отделкой мельчайших деталей, тонко сработанный’), на наш взгляд, является оптимальным для выделения интерпретанты фразеологического знака, преобразующей соответствующее семиотическое содержание культуры в семантику ФЕ. Под фасетами мы понимаем цельные системы, предполагающие особые масштабы фразеологической интерпретации явлений мира – денотативных прототипов фразеологической семантики.

Для формирования фразеологической семантики на основе семиотики культуры мы выделяем такие фасеты, как “речь”, “имя”, “событие”, “ситуация” и т.п. Так, в дискурсивном пространстве обычаев и обрядов для фразеомобразования наиболее важными становятся такие фасеты, как “событие” и “ситуация”.

Связь той или иной ФЕ с обычаем не всегда прозрачна. Основанием для ее выявления могут послужить различные исследования этнографов и археологов. Так, современный обычай снимать голов-

ной убор при встрече в знак уважения повлек за собой рождение ФЕ *снимать шляпу перед кем*, который деривационными корнями восходит к символике головного убора. Шапка на Руси, как и у многих других народов, была не только предметом одежды, но и символом независимости и добропорядочности. Например, в средневековой Москве на Красной площади несостоятельные должники обычно наказывались тем, что с мужчин публично снималась шапка, а с женщин платок. Это означало, что их лишают всякого доверия. Подобное публичное наказание считалось большим позором. Однако в XVIII в. самоуправство над должниками было запрещено, после чего стали говорить: *С него шапки не съмешь; Что с ним делать: шапки с него не соймешь*. В разговорном речи оборот *снять шапку* контаминировался с сочетанием *дать по шее* в значении “наказать, избить”, поэтому смысл его несколько изменился и явился, по-видимому, прототипом просторечной ФЕ *дать по шапке* к о м у ‘наказывать кого-либо за проступок; выгонять, прогонять кого-либо откуда-либо; увольнять, снимать с должности кого-либо’ – дискурсивное пространство этих ФЕ непосредственно связано с событиями, отражение которых проявляется в данных процессуальных ФЕ. К той же символике головного убора восходит и ФЕ *ломать шапку перед кем* ‘заискивать, угодничать перед кем-либо’. Первоначально *ломать шапку* перед кем-либо значило “приветствовать с поклоном и снятием головного убора”. Обычно так приветствовал при встрече (ситуация, которая повторяется и в наше время) в знак уважения младший старшего или низший по чину или социальному положению – высшего [4, 764].

Нередко обычаи связывались с суевериями, с явлениями табу, и поэтому, продолжая по традиции употреблять те или иные выражения, мы уже не находим в них смысловой мотивировки. Так, дискурсивное пространство для ФЕ *ни волоска не пропало, до единого волоска* ‘полная, абсолютная сохранность чего-либо’; *ни один волос не упадет (не упал) с головы* ‘кто-либо будет в полной безопасности, совсем не пострадает’ – суеверный обычай, по которому суеверы, обстригая волосы, берегут их так же, как и ногти, в особом месте и кладут их с собою в гроб, веря, что на том свете в каждом волоске потребуют отчета. Эта ФЕ возникла, прежде всего, путем метонимического переноса значения с конкретной ситуации на более широкий круг явлений, как, например, и разговорная экспрессивная ФЕ *засучив рукава* ‘усердно, старательно, энергично (делать что-либо)’; с действия на его результат. Многие из таких ФЕ до сих пор имеют соотносительные омонимичные свободные словосочетания.

Дискурсивное пространство идиом имеет теснейшую связь с процессами генерирования, переработки, трансформации и передачи

информации, которая организована как текст, взятый в событийном аспекте, в совокупности с прагматическими, социокультурными, психологическими, паралингвистическими и другими факторами. Такую связь языка и жизни народа можно увидеть при исследовании дискурсивного пространства как русских древних ремёсел, так и профессий, существующих в современной действительности. Например, от столяров ведут начало фразеологизмы *без сучка без задоринки, разделить под орех, топорная работа, снять стружку*; от скорняков: *небо с овчинку показалось, овчинка выделки не стоит* и др.; от сапожников: *два сапога пара, на колодку сделаны, пьян в стельку*. Речь рыбаков и охотников отразилась в таких фразеологизмах, как *ловить рыбку в мутной воде, мутить воду, попасться на удочку, закидывать удочку, заматывать следы, держать нос по ветру* и т.д.

Профессиональная речь единодушно признаётся одним из наиболее активных ресурсов пополнения фонда русской идиоматики, в связи с фразеообразовательной активностью терминологических сочетаний, обусловленных во многом общеизвестностью в прошлом тех процессов, которые ими обозначились. В этом состоит причина постоянной готовности профессиональной терминологии к эстетической актуализации, к совмещению номинативной и экспрессивно-эмоциональной функции.

Все социально приобретенные знания рассматриваются членами данной культурной общности как очевидные, т.к. они перешли к ним как бесспорно принятые данной группой. Таким образом, знание превращается в семиотический элемент социальной жизни, и в данном качестве все формы знания, соответствующие социально-культурной структурированности мира, становятся одновременно и общей схемой интерпретации мира, и средствами достижения взаимного согласия и понимания.

Библиографический список

1. Алефиренко, Н.Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры. / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Academia, 2002. – 394 с.
2. Алефиренко, Н.Ф. К проблеме дискурсивно-текстового универсума культуры / Н.Ф. Алефиренко // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты: Межвузовский сб. науч. тр.; под ред. проф. А.А. Ворожбитовой. – Сочи: СГУТиКД, 2002. – Вып. 1. – С. 5-12.
3. Алефиренко, Н.Ф. Язык, познание, культура: Когнитивно-семиологическая синергетика слова / Н.Ф. Алефиренко. – Волгоград: Перемена, 2006. – 228 с.
4. Бирих, А. К. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова; под. ред. В.М. Мокиенко; СПбГУ; Межкаф. словарный каб. им. Б.А. Ларина. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2005. – 926, [2] с.

5. Ван Дейк, Т.А. Язык. Познание. Коммуникация / Т.А. ван Дейк. – М., 1989. – 312 с.
6. Караулов, Ю.Н. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса / Ю.Н. Караулов, В.В. Петров // Ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. – М., 1989. – С. 5-11.
7. Кубрякова, Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики / Е.С. Кубрякова // Вопросы когнитивной лингвистики, 2004. – №1. – С. 6-17.
8. Макаров, М.Л. Основы теории дискурса / М.Л. Макаров. – М.: ИТДГК “Гнозис”, 2003. – 280 с.
9. Мокиенко, В.М. Образы русской речи: Историко-этимологические очерки фразеологии / В.М. Мокиенко. – СПб.: Фолио-Пресс, 1999. – 461 с.
10. Николаева, Т.М. Речевые, коммуникативные и ментальные стереотипы: социолингвистическая дистрибуция / Т.М. Николаева // Язык как средство трансляции культуры. – М., 2000. – С. 112-132.
11. Федоров, А.И. Русская фразеология и ее изучение по источникам: дис. ... д-ра филолог. наук / Федоров Александр Иванович. – Л., 1973. – 32 с.
12. Harris, Z.S. Discourse analysis / Z.S. Harris // Language. – 1952. – Vol. 28. – P. 1-30; 474-494.

М.Н. Везерова

**АВТОРСКАЯ КАРТИНА МИРА
СКВОЗЬ ПРИЗМУ ВЕРБАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА
(о концепте “война” в стихотворениях А.Ахматовой)**

Самарский государственный педагогический университет

Полипарадигмальность современной лингвистики художественного текста, ее ярко выраженная антропологичность дают возможность исследователю более органично “наводить мосты” между вербальными и невербальными компонентами текста, проникать через лингвистический анализ более глубоко во внутренний мир субъекта речи (поэта, писателя), и реципиента (читателя).

Особую актуальность в последние десятилетия приобрели психолингвистические и концептологические исследования художественного текста (взаимопроникающие, взаимодействующие).

“Поэтический текст является причиной, процессом, реализацией и результатом языковой деятельности и языковой способности <...> автора как субъекта социума, эстетики и языка”, – подчеркивается в одной из последних лингвопоэтических работ [1, 39]. Автор работы, определяя предмет изучения антропологической лингвистики, не случайно называет категорию картины мира [1, 105] – явление ментального, пси-